

ЭЙ, ЖИВОЙ КТО-НИБУДЬ, ВЫХОДИ, ПОМОГИ!

«Горький. Дно. Высоцкий» Школы-студии МХАТ (курс Евгения Писарева)

Филиал Театра Пушкина находится в двух шагах от метро Пушкинская, в Сыгинском переулке. Нырнеш в ворота и оказываешься в уютном дворике: прямо пойдешь — служебка, направо — главный вход. Малые сцены — это всегда особая атмосфера, тут все пришедшие предельно аккуратны — всегда есть опасение задеть кого-то. И говорят тут будто тише в фойе, и буфет почти незаметен, и гардероб под боком.

В небольшом зале зрители садятся четко напротив актеров. В глубине сцены на скамьях сидят, не двигаясь, молодые люди и не мигая смотрят на нас. Это молчаливое сидение пугает, завораживает, растекается по залу вопросами: «Они живые?»

И это, наверно, самый главный вопрос спектакля. Живы ли те люди, которые собрались волей судьбы в ночлежке Хозяина (**Кирилл Чернышенко**). Те, кто сидит, застыв, как на портрете или старой фотографии, стряхивают с себя тишину, словно краски проступают сквозь потускневшее фото. Сбрасывают сразу, резко — несколько шагов, и они стоят на расстоянии вытянутой руки. Их Горький начинается с песни Высоцкого. Страстно, больно и отчаянно звучат голоса: сначала мальчики, потом девочки.

И действие, заряженное нервом песен барда, разлетается на множество пазлов. Они будут собираться постепенно — от соло больной Анны (**Екатерина Рогач**

Актер — Д. Чеблаков, Сатин — Н. Сафонов, Старик — А. Робак

Старик — А. Робак, Анна — Е. Рогачкова, Васька Пепел — Еvg. Кутянин

кова) до трио Барона (**Владимир Зибереv**), Сатина (**Назар Сафонов**) и Актера (**Дмитрий Чеблаков**) — пока герои вновь не окажутся сидящими в глубине сцены...

И неожиданно пронзительно зазвучит здесь главная тема — Любовь, отодвигая на задний план философские измышления о Человеке. Эти люди, случайно оказавшиеся в этом месте и не способные выбраться из него, утратили ее. Любовь к человеку, к жизни, к труду... Они умерли, их жизнь теперь — воспоминания, и те постепенно стираются...

Оттого так жалок Хозяин, выскидывающий жену среди ночлежников. Невысокий, шулльй молодой человек в дорогом костюме выбивается из общей массы, он не чувствует себя главным тут, он даже женой управлять не может. И все понимают это, как знают, что Василиса (**Таисия Вилкова**) не любит его, потому что нет в нем силы.

Таисия Вилкова Василису играет страстно, это суть ее натуры, она прорывается в движении, едва сдерживаемых эмоциях и

даже иронии, за которой скрывается боль.

Не случайно ее «ария» переполнена желанием любить:

*Если где-то в чужой незнакомой ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю,
Не таись, не молчи, до меня докричи —
Я твой голос услышу, узнаю.*

Это и заклинание, и крик о любви, и мучительное осознание того, что уже не нужна. И отчаянная попытка все вернуть. Забывая о своей боли и унижении, она пытается удержать ускользающего из ее жизни Ваську Пепла (**Евгений Кутянин**). Любовь ускользающую. В нем ее жизнь. А нет его, так ничего и не надо. Уходишь — так не доставайся никому!

Мечта о любви — все, что есть у Насти (**Анастасия Калашникова**). И жизнь, и любовь она себе придумала. Все это знают, но только Барон (**Владимир Зибереv**) пытается эту мечту отобрать у нее. И вместо возможной нежности, реальной любви, которая даже тут могла бы случиться, пространство наполняется ненавистью. И тут закон «от ненависти до любви» не работает.

Актер — Д. Чеблаков, Сатин — Н. Сафонов, Барон — К. Сапрыкин, Клещ — И. Семенов, Татарин — П. Усачев

Вот еще одна пара — супруги Клещ (**Иван Семенов**) и Анна (**Екатерина Рогачкова**). Она давно утратила любовь мужа и умирает от этого. Болезнь ее — всего лишь следствие нелюбви. Она-то все еще любит, говорит с трудом, а последняя забота — о нем. «Ты работаешь, тебе надо». Клещ Ивана Семенова, как и Анна Екатерины Рогачковой больше типажи, не хватает им настоящести, что ли... А Клещ-то презирают не от того, что он «рабочий человек», а потому что нет любви у него ни к делу, ни к жизни, ни к жене... Не понимают они, эти философы ночлежки, зачем он вырваться отсюда хочет, раз умер давно...

И философия Сатина иначе звучит в исполнении обаятельного молодого актера Назара Сафонова. «Человек — это звучит гордо!» только тогда, когда любимое дело («Дай мне работу, чтобы радость приносила»). Тогда есть, ради чего жить. А так-то, к чему? Сатин даже вспоминать не хочет то счастливое время, в котором и дом, и сестра жива, и работа в радость. Только слова, значения которых он не

помнит, крутятся в голове, и он их вставляет куда ни попадя.

То же о себе мог сказать и Актер, правда, в отличие от Сатина, все еще не дающий себе забыть ни имя свое сценическое, ни как принимали его...

«Старик» (не Лука, не странник, как у Горького), внезапно появляющийся в ночлежке, приносит им надежду. Кому-то на лучшую жизнь, кому-то на выздоровление, кому-то на легкость после смерти... Главное в его «сольной партии» — песня Высоцкого:

*На реке ль, на озере —
Работал на бульдозере,
Весь в комбинезоне и в пыли, —
Вкалывал я до зарю,
Считал, что черви — козыри,
Из грунта выколачивал рубли...*

Арсений Робак ведет свою линию четко. Тут и традиционный подход к образу, и что-то неуловимо свое, присущее молодости. И до своей философии он дошел через испытания... Его философия и есть любовь. Он помогает вспомнить этим заблудшим душам о любви, о

том, что это такое. А дальше срывается вера. Появится она, будут и силы выбираться отсюда, нет — кончишь как Актер.

В полтора часа уложена хрестоматийная пьеса М. Горького. Полтора часа страстного желания любить и жить, а приходится... умирать.

В темноту сцены постепенно уходят все персонажи: умершая Анна, убитый Хозяин, покалеченная Наташа, арестованные Василиса и Пепел, повесившийся Актер, Алешка, Барон, Сатин, Клещ, Татарин, Настя...

Мертвые души...

*«Кто ответит мне —
Что за дом такой,
Почему во тьме,
Как барак чумной?
Свет лампад погас,
Воздух вылился...
Али жить у вас
Разучились?»*

Двери настезь у вас, а душа взаперти.

Кто хозяином здесь? — напоил бы вином».

*А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути —
И людей позабыл, — мы всегда так живем!»*

Борис Дьяченко решил рассказать историю, максимально понятную его поколению — тем, кто только вступает в жизнь. Режиссер смонтировал (и монтаж этот очень удачен) текст Горького, больной и страшный, с песнями Высоцкого. Выпускники курса Евгения Писарева Школы-студии МХАТ играют про своих сверстников, их герои молоды, но уже не способны жить, песни Высоцкого не только помогают им лучше понять Горького, но и связывают три времени: начало века XX, середину прошлого века и начало века XXI. Время идет, но жизнь не меняется... и люди прежние...

В глубине сцены сидят, не шевелясь, персонажи, сидят и пристально смотрят в зал. Они — наше отражение, или мы — их?

Анастасия ПАВЛОВА

ВЗГЛЯД

ТЕАТРИУМ НА СЕРПУХОВКЕ — ТЕРРИТОРИЯ ТЕАТРА

Театры для детей нередко страдают «тюзятиной». Происходит это от недоверия к ребенку. Родители и педагоги ведут детей в театр и боятся, что чадо чего-нибудь не поймет. Режиссеры боятся быстро потерять детское внимание. И начинается заигрывание с залом, упрощенные «хорошо» и «плохо», всевозможные интерактивы (без которых, как жется режиссеру, дети непременно заснут). **Театриум на Серпуховке** под руководством **Терезы Дуровой** своим зрителям доверяет. «Для меня нет детских и взрослых спектак-

лей, — утверждает режиссер. — Для меня есть театр как таковой, он может быть честный или нечестный».

Маленькие зрители Театриума малы только ростом. Постановщики уверены: дети все понимают, даже если не всегда могут выразить словами то, что увидели и почувствовали. Свою аудиторию Дурова определяет как семейную и рассчитывает на совместный опыт переживания. На стопроцентное доверие и дети, и взрослые отвечают театру неизменно полными залами, напряженным вниманием во время действия и